

B156 154

9022 (06)
T88
П83

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ

и сообщенія членовъ

Туркестанскаго Кружка любителей археологій.

Годъ двадцатый.

(11 декабря 1914 г.—11 декабря 1915 г.).

ТАШКЕНТЪ.
Типографія при Канцеляріи Тур. Ген.-Губ.
1915 г.

3/596
Проверено 1937 г.

Сообщеніе А. А. Семенова.

**Ташкентскій шейхъ Хавендъ-Тахуръ („Шейхъ-Антауръ“)
и приписываемый ему „куляхъ“.**

Шейхъ Хавендъ Тахуръ, (شيخ خاوند طهور), по имени котораго называется одна изъ самыхъ значительныхъ частей туземнаго Ташкента (въ просторѣчій „Шейхантаурская“), гдѣ имѣется обширная, наиболѣе чтимая и богатая, мечеть съ его мавзолеемъ, былъ старшимъ сыномъ весьма извѣстнаго въ Ташкентскомъ округѣ шейха 'Омара Багистанскаго. Послѣдній проходилъ изъ таджикскаго селенія Багистанъ, до-нынѣ существующаго въ горахъ, на лѣвомъ берегу Чирчика, верстахъ приблизительно въ ста на сѣверо-востокъ отъ Ташкента; шейхъ 'Омаръ считался чрезъ шестнадцать поколѣній потомковъ 'Абдуллы, сына халифа 'Омара, и былъ ближайшимъ предкамъ, съ материнской стороны, высокочтимаго въ Средней Азій мистика Ходжи Ахрара. Духовнымъ наставникомъ 'Омара Багистанскаго былъ шейхъ Хасанъ Булгарскій (происходившій, впрочемъ, изъ Азербиджана), на котораго высшая суфійская благодать преемственно передавалась, черезъ длинный рядъ различныхъ шейховъ, отъ самаго Пророка.*)

Въ памяти народной до сего времени еще живетъ хорошо извѣстное здѣсь двустипіе, въ которомъ воспоминается когда то сотворенное шейхомъ 'Омаромъ чудо.

*) См. رشحات عين الحيات („Капли ручья жизни“) сост. Фахр-уд-Динъ 'Али-бенъ-Усейн-ул-Ваиз-ул-Кашифи. Лукновъ. 1823/1905, стр. 208—209, и принадлежащія мнѣ рукописи того-же сочиненія: переписанная въ 1300/1883 г. муллою Мирза-Баба-Джанъ-Баемъ, листы 134—135, и старая (безъ даты, ибо послѣдніе четыре листа позднѣйшаго происхожденія), писанная прекраснымъ каллиграфомъ, листы 110—113.

(Размѣръ—4-хъ стопный „ремель“, урѣзанный въ концѣ на одинъ долгій слогъ),

در نای در فصل دی انکود بخت ماخوردیم
در تموز آب یرک ینج کرد ما بگداشته ایم

Т. е.: въ (селеніи) Нанай въ декабрѣ виноградь созрѣлъ—мы (его) покушали; въ іюлѣ вода Парака льдомъ покрылась — мы (по немъ) прошли.

Двустипніе это приписывается одному изъ товарищей Хавендѣ-Тахура, когда они путешествовали вмѣстѣ съ отцомъ послѣдняго, шейхомъ 'Омаромъ.¹⁾

Хавендѣ-Тахуръ воспитывался подѣ ближайшимъ руководствомъ своего отца и, благодаря ему, въ наукахъ внѣшнихъ и сокровенныхъ достигъ самыхъ высшихъ ступеней. Характерную черту во взглядахъ 'Омара Багитанскаго на воспитаніе своего сына, между прочимъ, передаетъ Ходжа Ахраръ. По его словамъ шейхъ 'Омаръ въ отношеніи своего старшаго сына говаривалъ: „не будь, Тахуръ, муллою. не будь и суфіемъ, не будь (одинаково) и тѣмъ, и другимъ, — будь мусульманомъ!“²⁾

Тотъ же Ходжа Ахраръ, со словъ своего дяди Ходжи Мухаммеда, передаетъ, что Хавендѣ-Тахуръ однажды отправился въ Туркестанъ и тамъ извлекъ не мало для себя пользы изъ общенія съ шейхомъ Тунгузомъ,³⁾ однимъ изъ великихъ потомковъ Ата Ясавійскаго;⁴⁾ когда шейхъ жилъ у него въ домѣ,

¹⁾ Пишется помѣстному и فرک, при чемъ начальное ف читается какъ п. По объясненію мѣстныхъ ученыхъ туземцевъ یرک — древнее названіе Чирчика и слово это до сего времени сохранилось въ имени селенія Паркентъ или Паркетъ (сокр. изъ Паракъ-кентъ или Паракъ-кетъ, лежащаго на одномъ изъ мелкихъ притоковъ Чирчика. В. въ своей статьѣ „Кантаръ-Агды“ („Окраина“ за 1896 г. № 1), приводя упомянутое двустипніе, говоритъ, что „Фаракъ—одна изъ трехъ горныхъ рѣчушекъ сливающихся и образующихъ вмѣстѣ рѣку Чирчикъ“.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Въ упомянутомъ литограф. изданіи رشحات а имя шейха—تنگوز, въ рукописяхъ تنگور. Я спрашивалъ нѣкоторыхъ туземцевъ, какъ правильно слѣдовало бы прочесть это имя, но всѣ они опредѣленнаго ничего сказать не могли. но высказались, что имя это можетъ читаться и „танкузъ“—подслѣповатый (сокращ. изъ تنگ کوز) и „тунгузъ“—кабанъ. Въ послѣднемъ имени, по словамъ туземцевъ, нѣтъ ничего удивительнаго, потому что у киргизъ, живущихъ, напримѣръ, въ районѣ Туркестана, имя „тунгузъ“ встрѣчается не рѣдко, употребляясь въ значеніи толстелаго, сытаго и живущаго въ довольствіи человека. По этимъ ос-

шейхъ Тунгузъ самъ лично готовилъ пищу, потому что его жена никакими домашними дѣлами, лежащими на обязанности женщины, въ родѣ приготовленія пищи и печенія хлѣба, не занималась. Однажды, находясь у очага, гдѣ готовится пища, и видя, что сырые дрова не разгораются, шейхъ Тунгузъ наклонился головою къ огневищу и сталъ раздувать огонь, въ это время подошла его жена и такъ ударила его пинкомъ по головѣ, что все лицо шейха и другія части тѣла оказались перепачканными золою. Шейхъ стерпѣлъ подобный поступокъ жены и ничего на это не сказалъ, а послѣ приготовленія и вкушенія пищи какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ разяснять и разрѣшать наединѣ Хавендѣ Тахуру его вопросы и затрудненія.

Говорятъ, что во время этой бесѣды Хавендѣ Тахуръ спросилъ шейха:

— Не откажите разяснить мнѣ и другое мое недоумѣніе: чтò значитъ та кротость, которую вы, обладающій такими высокими духовными качествами и познаніями въ религіозныхъ наукахъ, проявили въ отношеніи поступка своей жены и еѣ за него никакъ не наказали?—Шейхъ Тунгузъ въ отвѣтъ на это сказалъ:

— Да у меня упомянутыя вами качества и познанія въ наукахъ только и зависятъ отъ терпѣнія и кротости по отношенію къ грубости невѣждъ.

Въ Туркестанѣ вмѣстѣ съ Хавендѣ Тахуромъ пришелъ также нѣкій шейхъ Мухаммедъ-Халви (شيخ محمد خاوی),⁴⁾ который хотя и былъ при Хавендѣ Тахурѣ, но послѣднему не нравился способъ его дerviшскаго служенія и потому нашъ шейхъ часто отстранялъ его отъ себя, но Мухамедъ-Халви былъ уп-

нованіямъ я и привелъ имя шейха въ транскрипціи „тунгуз“. Относительно же слова تکرور мнѣ сказали, что оно ничего не означаетъ.

⁴⁾ Подъ именемъ „Ата-Ясави“ у средне-азиатскихъ турокъ, по словамъ автора رحات'а былъ извѣстенъ Ходжа-Ахмедъ-Ясавійскій, ученикъ Ходжи-Юсуфа Хамаданскаго, знаменитѣйшій туркестанскій мистикъ (см. стр. 8 литограф. изд. رحات'а, листъ, 5 ркп. Баба-Джанъ-бая и 3-й листы старой рукописи).

⁵⁾ Читаю „Халви“ потому, что въ рукописи رحات'а Муллы-Баба Джанъ-Бая это слово написано съ фатхою надъ ڤ.

рямъ и не устранился отъ общенія съ Хавендь-Тахуромъ. Такъ и въ путешествіи въ Туркестанъ онъ навязался въ спутники нашему шейху. Когда шейхъ Хавендь-Тахуръ закончилъ свои уроки созерцательной жизни у шейха Тунгуза, послѣдній передъ разставаніемъ сказалъ Хавендь-Тахуру относительно Мухаммедъ-Халви:

— Онъ—не вашъ собесѣдникъ. Завтра, во время прощанія, я сдѣлаю ему нѣкоторый подарокъ и вы по этому подарку узнаете о степени его пригодности для дервишества.

На другой день, когда Хавендь-Тахуръ собрался въ путь, шейхъ Тунгузъ далъ Мухаммедъ-Халви большой барабанъ безъ колець. Мухаммедъ-Халви колебался было принять этотъ подарокъ, но шейхъ Хавендь замѣтилъ:

— „Барабанъ шейха-его благословеніе и безъ значенія не будетъ, поэтому примите его.

Мухаммедъ-Халви принялъ подарокъ и вмѣстѣ съ Хавендь-Тахуромъ отправился въ Бухару. Въ пути они достигли до расхожденія двухъ дорогъ: одна вела въ Харезмъ, а другая—въ Бухару. Стоя на распутии, нашъ шейхъ сказалъ своему спутнику:

— До сихъ поръ у меня съ вами нѣтъ единомыслия, поэтому лучше идите-ка въ Харезмъ.

И спроводилъ его туда; самъ же продолжалъ свой путь въ Бухару. На прощаньи же Хавендь-Тахуръ сказалъ Мухаммедъ-Халви и то, что подарокъ шейха Тунгуза служить указаніемъ на то, что вокругъ Мухаммедъ-Халви соберутся люди недалекаго ума, подобно тому какъ на звукъ большого барабана стекаются дѣти, дѣвушки и дурачки. Въ дѣйствительности такъ и случилось: когда Мухаммедъ-Халви отправился въ Харезмъ, то нѣкоторые изъ невѣждъ и простолюдиѣ собрались около него и стали его „мюридами“.

Такова краткая біографія шейха Хавендь-Тахура, довольно непослѣдовательно рассказанная ученикомъ Ходжи-Ахрара, Фахрудъ-Динъ Алиемъ сыномъ Хусейнъ-ул-Ваизъ-ул-Кашифи, прозваннымъ „Сафи“, въ его „Капляхъ источника жизни“. Въ заключительныхъ

словахъ этой біографіи названный авторъ приводитъ нѣсколько суфійскихъ изреченій шейха и затѣмъ сразу переходитъ къ біографіи его сына, Ходжи Давуда, не приведя никакой даты смерти нашего шейха, также, какъ не приведено было имъ и года его рожденія. Лишь въ концѣ біографіи Ходжа-Давуда „Сафи“ приводитъ слѣдующій рассказъ, взятый имъ изъ книги Сейида 'Абдуль Эввеля „Масму'ать“ (مسموعات, т. е. „Слышанныя (происшествія)“ или, короче, порусски, „Слышанное“). Однажды Ходжа-Ахраръ, будучи въ Ташкентѣ у гробницы шейха Хавендъ-Тахура, былъ спрошенъ, сколько лѣтъ прошло послѣ смерти этого шейха? Падобно замѣтить, что это было въ мѣсяцѣ Зил-Ка'де 888 г. Хиджры (въ декабрѣ 1483 года). Ходжа-Ахраръ, соображая, отвѣтилъ:

—Шестьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ Ходжа-Давудъ передавалъ мнѣ, что онъ былъ семи лѣтъ, какъ умеръ его отецъ; время же всей жизни Ходжи Давуда было семьдесятъ пять лѣтъ. Такъ что въ нынѣшнемъ 888 году послѣ смерти шейха Хавендъ-Тахура могло исполниться сто двадцать семь лѣтъ.

Т. е., по соображеніямъ Ходжи-Ахрара, смерть нашего шейха послѣдовала въ 761 г. Хиджры (1359—1360 г. по Р. X.), по соображеніямъ, прибавимъ, предположительнымъ, ибо въ текстѣ (ارشادات) заключительная фраза вышеприведенной тирады поставлена съ глаголомъ прошедшаго предположительнаго времени (چه نچه درین سال سه ثمان و نیم و نیم نمانه صد و بیست و هفت سال بوده اشد)

По сообщенію мударриса и практиканта мѣстнаго нарѣчія въ Туркестанской Учительской Семинаріи, Сейидъ-Расуля Сейидъ-Азизова, у него на одной изъ книгъ имѣется старая записъ года кончины Хавендъ-Тахура, взятая изъ описанія подвиговъ послѣдняго (مناقب). Такъ какъ этого отдѣльнаго подробнаго жизнеописанія Хавендъ-Тахура мнѣ не удалось нигдѣ достать, то позволю привести сообщенную мнѣ дату смерти шейха:

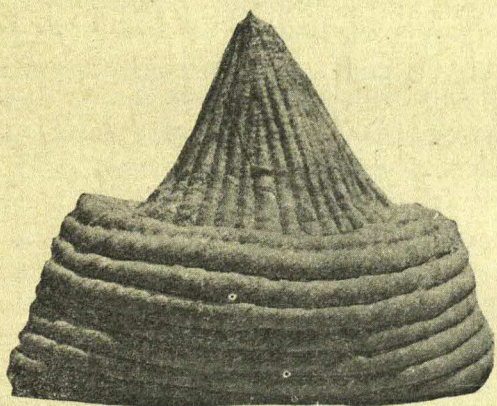
تاریخ ویات شیخ خاوند طه ر قفس الله ر آو حه العزیز سنه ٨٨٦ و خمین و سبع مائت بود ٧٥٦ از مناقب ذات نسخه شد

Такимъ образомъ, согласно этой записи, годомъ

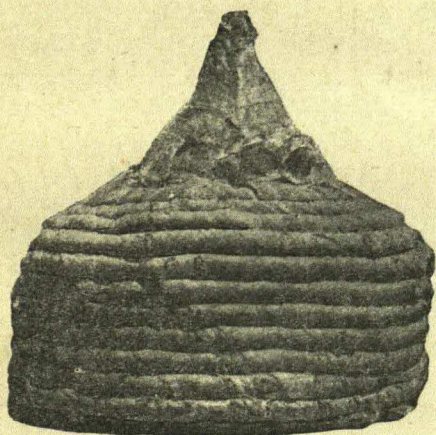
смерти шейха считается 756 (1355 г. по Р. Х.), т. е. между датою شحات, и этою разница въ пять лѣтъ.*)

Отъ этого, далекаго отъ насъ по времени, шейха сохранилась до нашихъ дней принадлежавшая ему вещь (такъ по крайней мѣрѣ говоритъ мѣстное преданіе), его „куляхъ“ или дервишская шапка. Этотъ куляхъ, на который впервые обратилъ мое вниманіе Н. П. Остроумовъ, хранится вмѣстѣ съ другимъ куляхомъ у вышеназваннаго Сейидъ-Расуля Сейидъ-Азизова, потомка шейха Хавендъ-Тахура, въ его домѣ, въ старомъ Ташкентѣ. Одна изъ этихъ шапокъ,—по преданію, такъ сказать, безспорному,—принадлежала нашему пейху, а относительно второй имѣется сомнѣніе: ее носилъ или отецъ Хавендъ-Тахура, шейхъ 'Омаръ Багистанскій, или самъ Хавендъ-Тахуръ. На прилагаемой при семъ моей фотографіи сняты обѣ эти реликвіи. Отъ времени трудно сказать, какого цвѣта была бумажная матерія на этихъ шапкахъ: теперь она совершенно выпцвѣла и стала какого-то неопредѣленнаго, скорѣе грязно-желтаго, оттѣнка. Форма этихъ шапокъ совсѣмъ не обычна для настоящаго времени: обѣ онѣ на ватѣ и имѣютъ стеганные борты въ формѣ положенныхъ другъ на друга жгутовъ чалмы; верхи обѣихъ шапокъ оканчиваются остроконечными тульями, при чемъ тулья на шапкѣ Хавенда-Тахура имѣетъ вполне ясно выраженную вертикальную стежку. Шапка же шейха 'Омара Багистанскаго выглядитъ по сохранности худшею: въ ней мѣстами по борту и на тульѣ матерія или разорвалась и обнажила стежку, или просто уничтожилась временемъ. По формѣ борта обѣ шапки какъ бы представляютъ стилизованную арабскую чалму, а тульи—остроконечныя афганско-индійскія тюбетейки.

*) Судя по всѣмъ этимъ даннымъ, Самаркандское преданіе, приводимое Хорошхиннымъ въ его „Сборн. статей, касающ. Туркест. края“ (Спб. 1876, стр. 240—241) и повторенное проф. Н. И. Веселовскимъ въ его ст. „Памяти Ходжи-Ахрара въ Самаркандѣ“ („Вост. Зам.“ Спб. 1895; стр. 324), о стамбульскомъ происхожденіи шейха Хавендъ-Тахура, ни на чемъ не основано. Это, впрочемъ, замѣтилъ еще П. А. Комаровъ въ прим. 1-мъ къ статьѣ Айдарова „Святые, чтимые туземцами, преимущественно сартами, Турк. края“ („Сбор. мат. для статистики Сыръ-Дар. обл.“ т. VI, Ташк. 1897; стр. 50).

№ 1.

№ 2.

Во всякомъ случаѣ оба эти раза „куляха“, чьи бы они не были, имѣютъ видъ большой старины и нынѣ нигдѣ въ Средней Азіи въ обиходѣ не встрѣчаются. Для исторіи мѣстнаго костюма они, какъ мнѣ кажется, имѣютъ очень большое значеніе. *)

Бережно сохраняемые въ шкапу за стекломъ, эти реликвіи благоговѣнно почитаются у мѣстныхъ туземцевъ какъ святыни, исцѣляющія болѣзни или облегчающія ихъ. По словамъ Сейидъ Расули, они берутся тѣми, у кого, напримѣръ, сильно болитъ голова, или для роженицъ при трудныхъ родахъ; въ такихъ случаяхъ больному или больной шапка надѣвается на голову. Все, какъ и у насъ, когда наши больные, съ вѣрою и благоговѣніемъ возлагаютъ на себя тѣ или иные принадлежности одѣяній (клобукъ, скуфью или мантию) какого либо молитвенника и предстателя предъ Богомъ, преподобнаго отца, тѣлесно почивающаго или въ нѣдрахъ земли, или въ ракъ въ храмѣ, безсмертною же душею пребывающаго у Бога.

А. Семеновъ.

*) На репродукціи съ моей фотографіи шапка отца нашего шейха. Шейха Омара обозначена № 1, а шапка Хавендъ. Тахура—№ 2.

B156 154

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ

и сообщенія членовъ

Туркестанскаго Клуба любителей археологiи.

Годъ двадцать первый.

(XXI)

(11 декабря 1915 г.—11 декабря 1916 г.).

~~1475(1)~~
~~31~~

3/595

ТАШКЕНТЪ.
Типографія Туркестанскія Вѣдомости.
1917 г.

107

Исторія Шугнана.

„Шугнанъ есть горная страна, находящаяся въ верховьяхъ Аму-Дарьи. Въ древности она входила въ составъ владѣній китайскихъ императоровъ и въ ней еще и теперь сохранились нѣкоторые памятники китайскаго владычества. Одинъ изъ нихъ находится въ долинѣ р. Гунтъ (غوند), въ окрестностяхъ селенія Дэ-Баста (دہ بست), ¹⁾ и представляетъ собою черный камень; теперь мѣстность выше этого камня принадлежитъ къ округу Гунта, а то, что ниже этого памятника, относится къ Сучону (سوچان) ²⁾).

Рѣка Гунтъ имѣетъ протяженіе два дня пути. Въ древности всего домовъ въ странѣ насчитывалось шесть тысячъ.

Изъ писемъ, относящихся къ временамъ китайцевъ, я видѣлъ и лично читалъ слѣдующія на выше-названномъ камнѣ:

بفرمان خاقان چین بعدد دنیا و دین در میانہ غوند و سوچان ایست ادای سخن
т. е. „по приказанію китайскаго государя, опоры міра и вѣры, здѣсь раздѣляются округи Гунта и Сучона“ ³⁾. Какого именно года Хиджры эта надпись — неизвѣстно.

Другой памятникъ старины, также относящійся къ китайскимъ временамъ, слѣдующій. Въ селеніи Шохъ-Дара (شاخدره) ⁴⁾ есть участокъ

¹⁾ Дэ-Баста лежитъ на правомъ берегу р. Гунтъ, верстахъ, приблизительно, въ 30 (по прямой линіи) отъ слиянія Гунта съ Шахъ-Дарою.

²⁾ По-шугнански — Пыпунт (*ш* твердое). Селеніе Сучанъ находится на правомъ берегу Гунта, верстахъ въ 4-хъ отъ его слиянія съ Шахъ-Дарою.

³⁾ Это, повидимому, четверостишіе и, судя по началу, — нѣсколько необычнаго, для персидской метрики, размѣра (*мутакарибъ* трехстопный, урѣзанный на одинъ слогъ); послѣдующее же написаніе, со словъ در میانہ — видимо, страдаетъ большими погрѣшностями въ правописаніи, въ соответствии съ требованіями метрики, и потому указанный размѣръ въ дальѣйшемъ совершенно не выдерживается.

Я обратилъ вниманіе автора рукописи на это обстоятельство и онъ мнѣ пояснилъ, что какъ эту надпись, такъ и слѣдующія онъ воспроизвелъ въ своей рукописи *буквально*, какъ онъ высѣченъ на камнѣ, и что ему извѣстно несоблюденіе настоящей орфографіей требованій размѣра.

Между прочимъ, китайскіе источники, упоминая о шугнанцахъ (Сюань-Цзянь, авторъ VII в. по Р. X) говорятъ, что ихъ письмена такіе же, какъ и у турокъ, по разговорный языкъ — другой. (См. Si-yu-Ki. Buddhist Records of the West. World. S. Beal. Lond. 1906 Vol. II. p. 296).

⁴⁾ Въ оригиналѣ стоитъ взятое изъ русскаго „саржинъ“ (سرچین); шугнанская же ходячая мѣра длины *чубаз*, приблизительно, — *оршинъ* съ четвертью.

земли, называемый Бигеме, (بيگمی) въ длину достигающей, приблизительно, шестьсотъ сажень, въ ширину мѣстами одинъ сажень, мѣстами—полсажени или около этого. Это мѣсто я такъ же самъ видѣлъ. Говорятъ, что этотъ участокъ земли каждый годъ обрабатывался и засѣвался и продукты, получавшіеся съ него, изъ года въ годъ посылались въ Китай. Названіе этого участка земли такъ же написано на камнѣ: زمین بیگمی آردش گل میده, т. е. „земли Бигеме пшеничная мука (хороша)—какъ дважды просѣянная мука“¹⁾. Говорятъ, что во время владычества китайцевъ въ Шугнанѣ они никакой другой подати, кромѣ земледѣльческихъ продуктовъ съ этого участка, не брали съ жителей Шугнана, ибо послѣдніе и тогда отличались чрезвычайною бѣдностью.

Населеніе Шугнана въ то время принадлежало къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ: нѣкоторые были исмаилиты, (اسماعیلیه), нѣкоторые принадлежали къ шиитамъ (اثنا عشریه), другіе были язычники (تبرست), а половину населенія составляли сунниты (سنی).

Третій памятникъ китайскаго владычества сохранился въ селеніи Сучонъ, гдѣ существуетъ равнина, которую называютъ „Дашт-и-Зур-Азмой“ (دشت زور آرمای). Рассказываютъ, что когда въ Шугнанъ прибыло китайское войско и достигло этой равнины, то начальникъ отряда отдалъ приказъ, чтобы каждый изъ солдатъ взялъ по камню и бросилъ въ одно мѣсто, а на обратномъ пути изъ страны каждый бы взялъ изъ этой кучи по камню. Говорятъ, что когда отрядъ вернулся назадъ къ этому мѣсту и каждый изъ солдатъ взялъ по камню, то все же въ кучѣ, приблизительно, осталось сорокъ саженьей камней и это были камни убитыхъ въ Шугнанѣ. Однако неизвѣстно, съ кѣмъ именно вели китайцы войну и въ какомъ мѣстѣ происхо-

¹⁾ Выраженіе گل میده—выраженіе высшей похвалы дважды просѣянной мукѣ (میده); „она хороша, какъ роза“, по объясненію автора. По словарю برهان قاطع (3-ье изд. Лукновъ 1305—1888 г., съ важными дополненіями, II т., стр. 423) слово میده означаетъ пшеничную муку, два раза пропущенную чрезъ сито.

Вышеназванный китайскій источникъ, говоря о производительности земли въ Шугнанѣ, замѣчаетъ, что гравій и камни покрываютъ тамъ обширныя пространства, много родится бобовыхъ злаковъ и пшеницы, но мало риса (Si-yu-Ki, p. 295).

дило сраженіе, равно никто не знаетъ, сколько лѣтъ продолжалось въ Шугнанѣ господство китайцевъ. Богъ знаетъ многое!

Послѣ кигайцевъ управленіе Шугнаномъ перешло къ огнепоклонникамъ (آتشپرست), центромъ пребыванія которыхъ въ Шугнанѣ было селеніе Wiаръ (ویر). Имя одного изъ этихъ владѣтелей, — какъ я слышалъ отъ знатныхъ людей, — было Ривъ, (ریو) по—прозвищу Фарходъ (فرهاد). Онъ прочно утвердился во власти. Другая крѣпость или замокъ Ривъ-Фархода была вблизи Кал'а-и-Бар-Пянджа, гдѣ теперь стоитъ афганскій постъ. Эта крѣпость нынѣ извѣстна подъ именемъ „Кал'а-и-Кафиранъ“ (крѣпость невѣрныхъ). Говорятъ, что самъ Ривъ-Фарходъ жилъ въ Wiарѣ, а его сынъ — въ Кал'а-и-Кафиранѣ. Продолжительность правленія огнепоклонниковъ въ Шугнанѣ также никто не знаетъ. Огнепоклонники обращали народъ въ свою вѣру. Такъ продолжалось до времени „царя дервишей“¹⁾, князя изъ фамиліи Мустафы, его святѣйшества Саидъ-Шо-Маланга (سید شاه مانگ), который, будучи не въ силахъ переносить иго огнепоклонниковъ, чудодѣйственною молитвою низвергнулъ Ривъ-Фархода, а самъ вступилъ на открытый путь дервишества, столь свойственный нашей фамиліи²⁾. Такъ продолжалось пять лѣтъ.

¹⁾ Слово *дервишъ* въ шугнанскомъ языкѣ имѣеть три значенія: 1) нищаго, который проситъ подаянія; 2) человека, отличающагося благочестіемъ и строгою воздержанностью во всемъ (т. е. который сидитъ все время дома, занимаясь бгомысліемъ и чуждаясь общества, бѣжитъ отъ общенія съ жевщинами и т. п.) и 3) замѣстителя пира или его помощника (ноибъ).

²⁾ По объясненію автора рукописи, Саидъ-Шо-Малангъ былъ родомъ изъ Хорасана и въ Шугнанѣ былъ посланъ современнымъ ему Ага-Ханомъ для проповѣди исмаилизма. „Царемъ дервишей“ онъ назывался за свою благочестивую жизнь, а выраженіе „вступилъ на открытый путь дервишества“ означаетъ то, что послѣ сверженія Ривъ-Фархода Шо-Малангъ построилъ *ханка* на берегу р. Шахъ-Дары. Эта *ханка* до сего времени не сохранилась, ибо рѣка подмыла берегъ и постройка рухнула въ воду. *Ханка*у исмаилитова имѣеть другое значеніе, чѣмъ у суфиевъ, именно: *ханка* у нихъ есть такое зданіе, которое строится съ цѣлью собраній, благочестивыхъ разговоровъ и чтенія душеполезныхъ книгъ; посѣтителями *ханка* могутъ быть всѣ, кто пожелаетъ. Такимъ образомъ *ханка* у исмаилитова Шугнана является тѣмъ же, чѣмъ служитъ молитвенный домъ у современныхъ т. н. „духовныхъ христіанъ“ различныхъ толковъ. Последнее выраженіе, что „дервишество свойственно нашей фамиліи“, приведено вслѣдствіе того, что авторъ рукописи по матеріи считаетъ себя прямымъ потомкомъ Саидъ-Шо-Маланга.

Послѣ того нѣкто Шо-и-Хомушъ (شاه خواوش) отпра-
вился изъ Шираза съ намѣреніемъ путешествовать.
Проходя чрезъ Афганистанъ, онъ достигъ Шиwa (شیوه);
на одной лужайкѣ Шо-и-Хомушъ заснулъ. Говорятъ,
что по соизволенію Бога-Питателя въ шапкѣ Шо-и-
Хомуша голубка свила себѣ гнѣздо и во снѣ Шо-и-Хо-
мушъ получилъ божественное внушеніе воспитывать
эту голубку до тѣхъ поръ, пока ея дѣти получатъ
возможность летать.

Говорятъ, что приидя въ Шугнанъ, Шо-и-Хомушъ
утвердился на престолѣ и правилъ Шугнаномъ въ
теченіе шести лѣтъ ¹⁾. Послѣ того его святѣйшество

¹⁾ Капитанъ Троттеръ (Trotter) въ своихъ Notes on Rec. explor. in
Central Asia (The Geogr. Magaz. vol. II. № x Sept. 1875) называетъ Шах-
и-Хамуша родоначальникомъ владѣтелей Шугнана, присовокупляя, что
онъ вышелъ изъ Персіи лѣтъ за 500 или за 700. Шугнаномъ въ то время
владѣли огнепоклонники, въ десять лѣтъ онъ очень многихъ обратилъ
въ мусульманство, а въ послѣдующіе десять лѣтъ всѣ шугнацы обра-
тились въ шитовъ. Гробница Шах-и-Хамуша существуетъ въ Кал'ан-Бар-
Пянджѣ и каждый четвергъ нагодъ собирается къ ней. (См. также Ми-
наева, Свѣд. о стр. по верхов. Аму-Дарьи. Спб. 1879, стр. 31 и 156—157).

Кап. Троттеръ, какъ и другой членъ Форсайтовой экспедиціи въ
1873 г. Гордонъ (Gordon), прошли по сопредѣльному съ Шугнаномъ, съ юга,
Дарвазомъ и потому могли сообщить очень скудныя историческія свѣдѣ-
нія о Шугнанѣ только распроснымъ путемъ.

Въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда у насъ назрѣ-
валъ т. наз. „Памирскій вопросъ“, наше правительство впервые заинтере-
совалось Шугнаномъ и на телеграфный запросъ Начальника Азіатскаго
Департамента нашъ консулъ въ Кашгарѣ сообщилъ Начальнику этого
Департамента первыя подробныя официальные свѣдѣнія объ этой странѣ,
но опять таки распроснаго характера. При этомъ покойный Н. Ѳ. Петров-
скій отмѣтилъ, что „историческія свѣдѣнія о Шугнанѣ и Рошанѣ очень
кратки, нигдѣ не записаны и сохраняются только въ народной памяти“.
Первымъ владѣтелемъ страны, — по его донесенію, — считается Фархадъ,
дней по прозванію. Липо, очевидно, мненческое, напоминающее собою
Фархада персидскихъ и среднеазіатскихъ сказаній“. Фархадъ не оста-
вилъ потомства. При его жизни пришли въ Шугнанъ изъ Персіи, изъ
Себзеvara, три брата неизвѣстнаго происхожденія: Ша-Малангъ, Ша-Ха-
мушъ и Ша-Бурханъ. Первый братъ отличался святостью и дѣлами благо-
честія, „онъ сдѣлался ишаномъ и сталъ родоначальникомъ всѣхъ гене-
ральныхъ ишановъ шугнанской страны“. Третій братъ потомства не оста-
вилъ, а второй, Ша-Хамушъ, послѣ смерти Фархада былъ выбранъ наро-
домъ въ правители Шугнана (См. дѣло Дипломатич. части Канц. Турк.
Ген. Губ. № 55—1883 г. „О занятіи Шугнана Афганцами“, листъ 14а—14б).

Гр. А. А. Вобринской сообщаетъ, со словъ пира Саидъ-Юсуфа
Али-Шо, что вмѣстѣ съ предкомъ послѣдняго, Шо-Малангомъ, пришли
въ горы изъ Себзеvara, изъ Хорасана, три пира: Шо-Бурханъ, Шо-Хо-
мушъ и Шо-Кошонъ. Первый не оставилъ потомства, второй поселился
въ Кулябѣ (въ Бухарѣ), гдѣ и умеръ, правители Шугнана считаютъ его
своимъ предкомъ. У Шо-Кошона также осталось большое потомство
(см. „Секта Исмаилія въ русск. и бух. предѣлахъ Средней Азіи. Москва
1902; стр. 4—5).

возвратился къ своему мѣстожителству и власть надъ Шугнаномъ получилъ одинъ изъ учениковъ (مرید) Саидъ-Шо-Маланга, по имени Абду-Мухаммадъ. Спустя нѣсколько лѣтъ онъ умеръ и владѣтелемъ (میر) Шугнана сталъ его сынъ Шо-Музаффаръ-Бекъ, послѣ него—Шо-Мухаммадъ-Хусайнъ, послѣ него—Шо-Назаръ-Бекъ. У послѣдняго не было дѣтей мужескаго пола, но была одна дочь, по имени Биби-Туманъ. Говорятъ, что по смерти отца она ушла въ Сучонъ, къ нѣкому Саидъ-Шо-Зайду, а отъ него перешла въ Дарвазъ, въ Тангъ-Шивъ (تنگ-شیو) къ одному изъ сыновей тамошняго правителя, по имени Шо-Палаянъ, за котораго и вышла замужъ. Все правленіе этого рода продолжалось до 1193 года Хиджры ¹⁾, но я не знаю и ни отъ кого не слышалъ, когда именно началось правленіе этого семейства, а равно—сколько лѣтъ до него продолжалось въ Шугнанѣ господство китайцевъ.

По прошествіи 1193 года Хиджры, правители (мир'ы) Шугнана имѣли пребываніе въ Кал'а-и Поршинивъ (قلعه پارشنیو); когда случалось имъ враждовать съ своими подданными, или воевать съ Дарвазомъ и Бадахшаномъ, то (будучи осаждены въ своемъ укрѣпленіи) они питались водою изъ того источника, который былъ созданъ чудеснымъ образомъ эмиромъ и султаномъ Саидъ Насыр-и-Хусрау и который нынѣ находится подлѣ Поршинива ²⁾ Разказываютъ, что миры Шугнана были люди несправедливые и нечестные, соотвѣтственно сему ихъ поданнымъ жилось непокойно. По прошествіи нѣкотораго времени въ такихъ неурядицахъ, въ Шугнанѣ появился пришедшій изъ западныхъ странъ, одинъ изъ потомковъ Шо-и-Хомуша. Народъ шугнанскій, который не мало терпѣлъ онъ всевозможной тиранніи своихъ мировъ, былъ весьма обрадованъ появленію этого потомка, который вскорѣ и сдѣлался правителемъ Шугнана. Говорятъ, что онъ былъ человѣкъ милосердый, благомыслящій и ученый, такъ что какія были въ Шугнанѣ

¹⁾ 1779 г. по Р. Х.

²⁾ По словамъ автора рукописи источникъ въ прежнее время находился по срединѣ крѣпости.

необработанные и пустынные пространства ¹⁾ онъ всѣ ихъ привелъ въ цвѣтушій видъ. Одно изъ нихъ — урочище Хорогъ (خاروغ), откуда была проведена вода на другія пустынные пространства. Будучи обработанными и засѣянными, они стали приносить различные продукты, которыми питался самъ миръ. Имя его было Шо-Амиръ-Бекъ. Въ верховьи урочища Хорогъ онъ вырѣзалъ свое имя на одномъ изъ камней, связавъ таковое съ проведеніемъ сюда воды. Я лично читалъ эту надпись, она такова:

شاه اميريك بود اين صاحب وقارچه کرده از هيت بنا اين جويياريم
سال هجرت يکهزار يکهصدست يم هم نمود باسه بکيراندر شمار.
„Былъ Шо-Амиръ-Бекъ, господинъ величія, создавший этотъ каналъ чрезвычайными усиліями ²⁾ въ годъ тысячу сто девяносто третій Хиджры“.

Передаютъ, что этотъ миръ былъ столь кротокъ, что никого не обижалъ, ни къ кому не имѣлъ никакихъ претензій и (вообще) въ его правленіе населеніе пользовалось чрезвычайнымъ покоемъ. Передаютъ также, что онъ нерѣдко угощалъ народъ, бѣднякамъ же (всегда) что нибудь подавалъ и ни съ кѣмъ не вѣлъ ни войны, ни распри. Время правленія Шо-Амиръ-Бека было девять лѣтъ.

Когда Шо-Амиръ-Бекъ унесъ одежды жизни во Дворецъ Вѣчности, покинувъ этотъ тлѣнный миръ, то населеніе Шугнана, во вниманіе къ исключительной справедливости покойнаго, сдѣлало своимъ миромъ его сына Шо-Ванджи-Хана (شاه ونجی خان). Рассказываютъ, что по прошествіи года послѣ сего къ Шо-Ванджи-Хану прибылъ изъ Дарваза нѣкто Султонъ Ноябъ, изъ дѣтей вышеупомянутыхъ Шо-Паланга и Биби-Туманъ, который сказалъ Шо-Ванджи-Хану: — Предки мои были здѣсь мирами и я нынѣ заяв-

1) Въ текстѣ стоятъ слова داشت وجزيره. Последнее слово у шугнанцевъ означаетъ *пустыня*, на которомъ или ничего не произрастаетъ, или есть лишь скудная растительность.

2) Размѣръ *мутадарикъ* четырехсторонный съ однимъ короткимъ слогомъ. Хотя въ оригиналѣ стоитъ از هيت, но самъ авторъ переводить это выраженіе какъ *зуровар*, ибо, по его словамъ, каменистый, а мѣстами скалистый, грунтъ почвы требовалъ не мало усилій и труда для рытья канала.

ляю свое право на эту страну. Тебѣ же нужно вернуться въ свою страну и уступить мнѣ права на Шугнанъ.

Разсказываютъ, что Шо-Ванджи Ханъ и народъ шугнанскій не согласились съ такими притязаніями Султонъ-Нояба и тотъ, введя дарвазскія войска, вступилъ въ войну съ Шо-Ванджи-Ханомъ. Какъ говорятъ, населеніе Шохъ-Дары, — во вниманіе къ тому, что оно было послѣдователями (мурид'ами) Саидъ-Шо-Зайда, а Биби-Туманъ жила въ домѣ послѣдняго, — взявъ Султонъ Нояба, дало ему мѣсто мира въ Шохъ-Дара. Послѣ Султонъ Нояба власть надъ Шохъ-Дарою перешла къ его сыну Надиръ-Шо, а отъ него — къ его сыновьямъ. Такъ продолжалось до времени Миръ-Мухаммадъ Хана. Подробно о послѣднемъ, — Богъ дастъ, — будетъ упомянуто въ соотвѣтственномъ мѣстѣ. Говорятъ, когда владычество надъ Шохъ-Дарою окрѣпло въ рукахъ Султонъ-Нояба, а въ Шугнанѣ прочно утвердился Ванджи-Ханъ, то послѣдній изгналъ изъ Шугнана всѣхъ, кто не принадлежалъ къ исмаилитскому толку, хотя самъ Ванджи-Ханъ не былъ исмаилитомъ. Изъ изгнанниковъ огнепоклонники ушли въ Яркендъ. Шо-Ванджи Ханъ правилъ Шугнаномъ со всею справедливостію. Онъ провель оросительный каналъ чрезъ равнину, которая называется Хустъ (خوست) и находится (нынѣ) на афганскомъ берегу. Каналъ этотъ, по разсказамъ, былъ оконченъ въ два года. По окончаніи его Ванджи-Ханъ начерталъ свое имя, вмѣстѣ съ датою Хиджры, на каменной плитѣ. Я читалъ эту надпись и она такова¹⁾:

بنامش که او کبریاست پیو پدید آوری جمله ارض (و) سماست
محمد شه بارگاهمی سپهر پیو چه هادی مطلق رسول خداست
به شاونجی آن شاه سید نصب پیو سراج نبی جوهری لاقاست
همیشه قدم مانده درکار خیر پیو ولی نیش خوب هم با ریاست
کشیده زهیت یکی جو یار پیو چه نهر بهشتی عجب خوش صفاست
بنای بهشتی صفت راست کرد پیو بنادند مزین همین مدعاست
هزار و دویست و چهار از سنه پیو زهجت که این تحفه گردید راست

¹⁾ Размѣръ — мутакарибъ полный (не вездѣ, впрочемъ, выдержанный).

لوسنده ملا فراغت

т. е. „Съ любовью моею къ Имени, Которое есть величiе и (причина) обнаруженiя всей земли и небесъ (т. е. во имя Божiе), къ имени Мухаммада-Государя, аудiенцъ залы вселенной, потому что онъ есть совершенный руководитель (въ Законѣ) и посоль Божiй—и къ имени Шо-Ванджи, который происходитъ изъ потомковъ Пророка и который, несомнѣнно, есть лампада послѣдняго и драгоцѣнность Алiя, который всегда направлялъ свои стопы къ добрымъ дѣламъ и преисполненъ намѣренiй благостныхъ и нелицемѣрныхъ. — (я свидѣтельствую, что онъ, Шо-Ванджн-Ханъ), провелъ великими трудами этотъ оросительный каналъ, который, какъ рѣка райская, удивителенъ и восхитителенъ. Онъ построилъ сооруженiе подобное райскому. Окончилась постройка сего прекраснаго предмета. Въ тысячу двѣсти четвертый годъ Хиджры построенъ этотъ подарокъ (страни).

Писалъ Мулла Ферогать“.

Говорять, что этотъ Мулла Ферогать былъ однимъ изъ потомковъ владѣтелей Шугнана.

Передаютъ, что вступленiе на престолъ Шо-Ванджи-Хана произошло въ 1202 г. Хиджры; каналъ же былъ оконченъ въ два года, т. е. въ 1204 году ¹⁾. По преданiю, все время правленiя Шо-Ванджи-Хана опредѣляется въ двѣнадцать лѣтъ. Когда онъ умеръ, то на его мѣсто сѣлъ его старшiй сынъ Кубодъ-Ханъ (كباد خان). Говорять, что въ правленiе Кубодъ-Хана было много войнъ и неурядицъ; народъ не былъ доволенъ этимъ миромъ, ибо онъ поступалъ противно ученiю исмаилитовъ, и возненавидѣлъ его.

Въ то время младшiй сынъ Шо-Ванджи Хана, по имени Султонъ-Джалял-эд-Динъ-Ханъ (سلطان جلال الدين خان), спасаясь отъ тирании своего брата Кубодъ-Хана, бѣжалъ въ Дарвазъ, гдѣ и нашелъ прiютъ.

Передаютъ, что въ то время дорога изъ Шугнана въ Дарваза была закрыта, потому что Кубодъ-Ханъ

¹⁾ 1202 г. Хиджры соответствуетъ 1787—1788 г.г. по Р. X. 1204 г. Хиджры—1789 г.г. по Р. X.

не позволялъ (никому) отправляться въ Дарвазъ, но нѣсколько человѣкъ бѣжали изъ Шугнана въ Дарвазъ чрезъ селеніе Давлять-Шахи (دولت شاهی) къ Джалаля-эд-Динъ Хану и пригласили его въ Шугнанъ занять мѣсто брата. Говорятъ, что Джалаля-эд-Динъ Ханъ, заручившись помощью отъ мировъ Дарваза, пришелъ въ Шугнанъ и сталъ воевать съ своимъ братомъ Кубодъ-Ханомъ. Много было пролито крови, много потравили дарвазскія войска шугнанскихъ посѣвовъ, не мало пожгли домовъ. Чрезъ нѣкоторое время Кубодъ-Ханъ, выйдя изъ своей крѣпости, бѣжалъ, а Джалаля-эд-Динъ Ханъ сдѣлался правителемъ (Шугнана). Основавъ крѣпость Калъа-и-Баръ-Пянджа, онъ правилъ (страною) изъ этой крѣпости при всеобщемъ покоѣ, пока не сказалъ на зовъ смерти; „я къ твоимъ услугамъ!“ (لیک). Сыновей у Джалаля-эд-Динъ-Хана однако не было. Кубодъ-Ханъ, какъ говорятъ, умеръ въ Бадахшанѣ. Его сынъ Абдур-Рахимъ-Ханъ явился (въ Шугнанъ) изъ Бадахшана (но не одинъ). Въ виду того, что Абдур-Рахимъ-Ханъ отдалъ свою сестру Биби-Джихонъ-Оро (بینی جهان آرا) миру Бадахшана, Миръ-Джихондоръ-Шо-Хану (میر جهاندار شاه خان), послѣдній съ двадцатью четырьмя тысячами воиновъ и вмѣстѣ съ Абдур-Рахимъ-Ханомъ пришелъ въ Шугнанъ. Послѣ многихъ сраженій Джихондоръ-Шо-Ханъ завоевалъ Шугнанъ и сталъ имъ править. Рассказываютъ, что онъ былъ большой тиранъ: насильно хваталъ людей и продавалъ ихъ (въ рабство), нѣкоторыхъ убивалъ, ибо былъ жестокъ (¹ زور آور).

1) По свѣдѣніямъ покойнаго Н. Ѳ. Петровскаго (въ его вышеупомянутомъ донесеніи № 28 отъ 19 сентября 1883 г.), послѣ Шо-Хамуша, въ послѣдовательномъ порядкѣ отъ отца къ сыну, правителями были: Шо-Худадатъ, Шо-Джаляль-Эддинъ, Шомуръ-Бекъ, Шо-Амуръ-Ханъ. Шаванчи-Ханъ, Кубатъ-Ханъ, владѣвшій Шугнаномъ 17 лѣтъ и, наконецъ, на близкой уже народной памяти (въ 30-хъ г.г. нынѣшняго столѣтія) — Абдурахимъ-Ханъ. Капитанъ Бринновъ въ своемъ „Очеркѣ Шугнанскаго шахства“, составленномъ 16 октября 1883 г. въ дополненіе къ картѣ верховьевъ Аму-Дарьи (изданной военно-топографическимъ отдѣломъ Главнаго Штаба въ 1878 г.) говоритъ, что „передъ Абдурахимъ-Ханомъ управляли Шугнаномъ: Куватъ-Ханъ, Шебанджи-Ханъ, Шамурбекъ-Ханъ и далѣе лица того-же рода“ („См. автографъ автора названнаго очерка въ томъ же

У Абдур-Рахимъ-Хана было три сына: старшій Мухаммадъ-Ханъ, средній Шо-Амиръ-Бекъ и млад-

дѣль Канц. Турк. Генер.-Губ-ра № 55—1893 г. „О занятіи Шугнана Афганцами“, л. 52).

Что касается Джехандаръ-Шаха, то исторія его чрезвычайно бурной жизни, по его собственнымъ словамъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Онъ происходилъ изъ древней фамиліи правителей Бадахшана и вступилъ на престолъ послѣ смерти своего отца Земан-уд-Дина, умершаго въ 1864 году. До времени Афганскаго эмира Достъ-Мухаммедъ-Хана ближайшіе преемники Земан-уд-Дина-Шаха и онъ самъ не имѣли никакихъ политическихъ сношеній съ Афганистаномъ. Послѣ же взятія Балха Достъ-Мухаммедомъ сынъ послѣдняго, Азамъ-Ханъ, былъ отпавленъ въ Кундузъ. Покоривъ это владѣніе, Азамъ-Ханъ хотѣлъ было подчинить себя и Бадахшанъ, но дѣло вскорѣ кончилось миромъ, заключеннымъ Земан-уд-Диномъ съ Достъ-Мухаммедомъ. Въ 1865 г., когда Якубъ-бекъ занялъ Капшаръ, Джехандаръ-Шахъ отправилъ изъ Бадахшана, чрезъ Ваханъ, Памиръ и Сарыколь, трехтысячное войско въ Джиты-Шааръ, подъ предлогомъ оказанія покровительства 12 тысячамъ бадахшанскихъ семей, находившимся издавна (въ теченіи почти 150 лѣтъ) въ предѣлахъ Капшара, на самомъ же дѣлѣ отрядъ этотъ былъ отправленъ для вмѣшательства въ дѣла Семиградія: воспользоваться смутнымъ временемъ и завладѣть частью Джиты-Шаара. Однако начальникъ бадахшанскаго отряда, Мирза-Садыкъ, не сумѣлъ повести дѣла и долженъ былъ вернуться въ Бадахшанъ безъ всякаго благоприятнаго результата.

Послѣ этой неудачной экспедиціи Джехандаръ-Шахъ рѣшилъ завладѣть Кундузомъ, но потерпѣлъ неудачу и долженъ былъ бѣжать въ Читралъ. Чрезъ нѣкоторое время при содѣйствіи находившагося въ Маймене внука Достъ-Мухаммедъ-Хана и сына Афзалъ-Хана, сардаря Абдур-Рахманъ-Хана (въслѣдствіи Афганскаго мира), Джехандаръ-Шахъ опять возвратился въ Бадахшанъ, но вспыхнувшія затѣмъ тамъ кровавыя распри между Джехандаръ-Шахомъ и его дядями и племянниками заставили владѣтеля Бадахшана бѣжать въ Кулябъ, а оттуда въ Бухару, гдѣ онъ оставался на положеніи почти плѣнника въ продолженіе девяти мѣсяцевъ. Въслѣдствіи эмиръ, по ходатайству Начальника Зарафшанскаго округа, отпустилъ Джехандаръ-Шаха къ его давнему другу и покровителю, Абдур-Рахманъ-Хану, проживавшему въ Самаркандѣ. Въ Самаркандѣ Джехандаръ-Шахъ оставался всего одинъ мѣсяцъ и за это время выдать свою дочь за Абдур-Рахманъ-Хана. Изъ Самарканда онъ отправился въ 1871 году къ Шугнанскому владѣтелю Юсуфъ-Али-Хану, сыну Абдур-Рахимъ-Хана, у котораго прожилъ годъ, все надѣясь возвратитъ потеряныя имъ владѣнія. Однако его родственникъ Махмудъ-Шахъ, изгнавшій Джехандаръ-Шаха изъ Бадахшана и правившій послѣднимъ, призвалъ афганцевъ и вынудилъ Джехандаръ-Шаха удалиться изъ Шугнана въ Читралъ. Тамъ б. правитель Бадахшана прожилъ около трехъ лѣтъ и за это время посмѣялъ своего брата Шахзаде-Хасана противъ Махмудъ-Шаха и афганцевъ, пришедшихъ въ Мастучъ. Шахзаде-Хасанъ разбилъ союзниковъ, завладѣлъ ихъ лагеремъ, но не сумѣлъ воспользоваться этимъ успѣхомъ и лишь чрезъ годъ отправился на Файзабадъ (афганскій). На этомъ разъ счастье ему измѣнило: онъ потерпѣлъ пораженіе и бѣжалъ обратно къ брату Джехандару; вмѣстѣ съ послѣднимъ отправился на Памиръ, а оттуда оба добрались до Учъ-Кургана, въ Кокандскомъ Ханствѣ. Въ 1875 году, въ началѣ враждебнаго Россіи движенія въ Кокандѣ, небезызвѣстный Абдур-Рахманъ-Афтобачи нѣсколько разъ приглашалъ Джехандаръ-Шаха присоединиться къ нему противъ русскихъ, но Джехандаръ постоянно отклонялъ эти предложенія. Въ сентябрѣ же 1875 г. Джехандаръ-Шаха мы видимъ въ отрядѣ генерала Кауфмана, дѣйствовавшимъ въ Кокандскомъ ханствѣ. Въ это время находившійся при отрядѣ

иій Юсуфъ-Али Ханъ. Говорятъ, что отецъ при жизни своей далъ старшему сыну войско и послалъ его въ Шохъ-Дару, чтобы онъ, побѣдивъ тамошняго мира, занялъ его мѣсто. Но Мухаммадъ-Ханъ, убѣдившись, что его силы недостаточны по сравненію съ силами мира Шохъ-Дары, остался у послѣдняго въ качествѣ гостя. Средній сынъ Абдур-Рахимъ-Хана, Шо-Амиръ-Бекъ, исповѣдывалъ исмаилитское ученіе, потому что его мать была коренная шугнанка, и отецъ лишилъ его (за это) наслѣдства. Юсуфъ-Али-Хана отецъ сдѣлалъ *хожим*омъ (правителемъ) Рушона (روشان) въ Кал'а-и-Вомаръ (قاعہ وامر).

Когда Мухаммадъ-Ханъ отказался отъ сраженія съ мирами Шохъ-Дары, его отецъ Абдур-Рахимъ-Ханъ написалъ ему письмо, въ которомъ (между прочимъ) говорилъ: „ты—не мущина и потому не мой сынъ, ибо если бы ты былъ моимъ сыномъ, то не сталъ бы служить моимъ слугамъ, мирамъ Шохъ-Дары“. Когда миръ Шохъ-Дары, Султонъ-Ноябъ, узналъ про это письмо Абдур-Рахимъ-Хана, то пришелъ въ ярость и сказалъ Мухаммадъ Хану:

—Я тебя пригласилъ къ себѣ въ качествѣ гостя, но не зналъ, что я считался слугою твоего отца. Иди теперь отъ меня куда хочешь ¹⁾.

Разсказываютъ, что у Абдур-Рахимъ-Хана былъ нѣкій человекъ изъ племени калмыковъ (قلماق), по имени Мухаммадъ-Каримъ. ²⁾ Онъ исполнялъ должность

дипломатическій чиновникъ Вейнбергъ записалъ со словъ бывшаго Бадахшанскаго правителя перипетіи его скитальческой жизни. (См. дѣло Канц. Турк. Ген.-Губ. № 22/18 „Историческ. и этногр. свѣдѣнія о Бадахшанѣ, Памирскомъ плоскогорьѣ, Шугнанѣ и Читралѣ“, листы 3—5: „Свѣдѣнія, сообщен. Джеханدارъ-Шахомъ, бывшимъ владѣтелемъ Бадахшана“). О Джехандаръ-Шахѣ приводитъ распросныя свѣдѣнія, собранныя въ Бадахшанѣ, и гр. А. А. Бобринской, посѣтившій въ 1901 г. Памиръ (См. его „Горцы верховьевъ Пянджа. М. 1908“, стр. 58—59) и очень кратко полковникъ Юль (colonel H. Yule) въ своемъ предисловіи ко 2 изд. путешествія Вуда (Wood) въ верховья Аму-Дарьи (A Journey to the source of the River Oxus) „Geography of the valley of the Oxus“ (Lond. 1872, p. 37).

¹⁾ По словамъ автора рукописи, Мухаммадъ-Ханъ находился между двухъ огней: съ одной стороны гнѣвъ отца, а съ другой—Султонъ-Нояба. Не надѣясь получить прощеніе отца, Мухаммадъ-Ханъ вымолилъ себѣ прощеніе у пріютившаго его мира Шохъ-Дары и остался у него.

²⁾ Преданіе о калмыкахъ, жившихъ на Памирахъ вообще и въ Шугнанѣ въ частности, приводитъ, между прочимъ, гр. А. А. Бобринской въ своей книгѣ „Горцы верховьевъ Пянджа“, стр. 24

„диванъ-беги“ и былъ человѣкъ злонамѣренный и тиранъ, дѣлавшій много насилій надъ людьми: даже людей совершенно ни въ чемъ невиновныхъ онъ хваталъ и однихъ убивалъ, а другихъ продавалъ въ рабство. Есть на границѣ Рушона селеніе, называемое Хуфъ (خوف)³⁾, изъ котораго онъ, рассказываютъ, привелъ однажды шестьсотъ человѣкъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей и всѣхъ ихъ продалъ.⁴⁾ Вслѣдствіе подобной тиранніи Мухаммадъ-Карима люди стали одинъ за другимъ разбѣгаться, находя пріютъ у Мухаммадъ-Хана въ Шохъ-Дарѣ.

Рассказываютъ, что двое людей, изъ которыхъ одного звали Давлять-Кадамъ (دولت قدم), а другого — Ширъ Мухаммадъ (شير محمد), получивъ разрѣшеніе отъ Мухаммадъ-Хана, пробрались въ Калъ-а-и-Бар-Пянджъ и ночью убили Мухаммадъ-Карима. Страшась мести Абдур-Рахимъ-Хана и, не надѣясь удержаться въ Шохъ-Дарѣ, убійцы бѣжали вмѣстѣ съ Мухаммадъ-Ханомъ въ Сары-Куль (سرقل), каковая область нынѣ находится подъ властью Китая. Въ то же время Сары-Куль принадлежалъ миру Бобошъ-Беку Сарыкульскому (باباش يك سرقولى). Передаютъ, что Мухаммадъ-Ханъ взялъ за себя дочь этого мира и прожилъ въ Сары-Кулѣ семь лѣтъ. Оттуда онъ написалъ въ Шугнанъ письмо къ одной женщинѣ, по имени Сарвинъ-Нозъ (سرولان), которая была вхожа въ гаремъ Абдур-Рахимъ-Хана. Эта женщина, согласно письма Мухаммадъ-Хана, дала яду Абдур-Рахимъ-Хану и тѣмъ его умертвила. Послѣ этого Мухаммадъ-Ханъ вернулся изъ Сары-Куля въ Шугнанъ и сталъ править имъ изъ Калъ-а-и-Бар-Пянджа. Выживъ Юсуфъ Али-Хана изъ Рушона, онъ изгналъ его въ Саръ-Гуломъ (سرغلام), что въ Бадахшанѣ, точно также былъ выпровоженъ имъ изъ Шохъ-Дары и Султонъ Шо. Мухаммадъ-Ас-

³⁾ Селеніе Хуфъ лежитъ въ верховьяхъ одной маленькой рѣчущки, впадающей въ Пянджъ съ его правой стороны, къ югу отъ впаденія Мургаба въ Пянджъ.

⁴⁾ Продажа людей въ рабство по Пянджу, въ Шугнанѣ, Ропанѣ и Ваханѣ, была почти до конца XIX вѣка обычнымъ явленіемъ и объ этомъ говорятъ едва ли не всѣ европейскіе путешественники, писавшіе объ этихъ странахъ.

лямъ-Хана (محمد اسلم خان) онъ сдѣлалъ правителемъ въ Дара-и-Сучонъ (درۀ سوجان). Люди, служившіе его отцу, Абдур-Рахимъ-Хану, и брату, Юсуфъ-Али-Хану, всѣ были имъ убиты. Спустя двѣнадцать лѣтъ послѣ начала своего правленія въ Шугнанѣ, Мухаммадъ-Ханъ былъ отравленъ.

Послѣ его смерти Юсуфъ-Али-Ханъ явился изъ Бадахшана въ Шугнанъ и сдѣлался миромъ, предварительно, однако, давъ народу такого рода обѣщаніе: „я не буду такимъ тираномъ, какими были мой отецъ и мои предки, но какъ вы пожелаете, такъ я и буду поступать соотвѣтственно вашимъ желаніямъ“. Въ то время Саидъ-Фаррухъ-Шо (¹سيد فرخ شاه) былъ самымъ вліятельнымъ человѣкомъ Шугнана,—онъ согласился при этомъ условіи признать Юсуфъ-Али-Хана владѣтельнымъ миромъ Шугнана, за нимъ согласилось и населеніе.

Прошло послѣ того нѣсколько лѣтъ и (въ горахъ) появились афганцы, которые захватили Бадахшанъ. Послѣ этого они возымѣли желаніе овладѣть и Шугнаномъ, но не могли этого сдѣлать въ виду чрезвычайной трудности путей, ведущихъ туда. Насталъ 1300 годъ Хиджры (1882—1883 г. по Р. Х.). Юсуфъ-Али-ханъ забылъ свое обѣщаніе и казнилъ нѣсколько человѣкъ за то, что они ходили въ Бадахшанъ. Съ этого началась его тиранія надъ народомъ и народъ отъ него отвернулся. Въ то время прибылъ въ Шугнанъ изъ Бадахшана безъ войска и безъ притязаній на что либо Серверъ-Ханъ (سرور خان), афганскій „сартибъ“, и обманомъ захватилъ съ собою Юсуфъ-Али-Хана, говоря: „если ты отправишься къ эмиру Абдур-Рахманъ-Хану, то онъ отъ себя сдѣлаетъ тебя миромъ Шугнана“. Говорятъ, что если бы Юсуфъ-Али-Ханъ не дѣлалъ жестокостей, то шугнанцы никогда бы его не отпустили съ афганцемъ; вслѣдствіе же его тираніи они ничего не возражали противъ его отъѣзда.

¹) Отецъ теперешняго паша въ Поршинивѣ, Саидъ-Юсуфъ-Али-Шо (Его портретъ и бесѣду съ нимъ см. въ статьѣ гр. А. А. Бобринскаго „Секта Исмаилія въ русскихъ и Бухарскихъ предѣлахъ Средней-Азіи“).

Серверъ-Ханъ „сартибъ“ сопровождалъ Юсуфъ-Али-Хана до Бадахшана съ великимъ почетомъ, а изъ Бадахшана до Кабула его везли уже закованнаго въ цѣпи ¹⁾. Самъ Серверъ-Ханъ прибылъ въ Шугнанъ и правилъ имъ со всею полнотою власти въ теченіе двухъ лѣтъ. Послѣ него былъ правителемъ афганецъ Гульзоръ-Ханъ, а Саидъ-Шо-Ханъ—„джарнайль“ былъ (при

¹⁾ По современнымъ officialнымъ документамъ исторія правленія Юсуфъ-Хана, въ связи съ административнымъ устройствомъ его владѣній, представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Юсуфъ - Али - Ханъ и его сынъ Кубадъ-Ханъ, сидѣвшій въ Рошанѣ миромъ, управляли непосредственно чрезъ назначаемыхъ Юсуфъ - Али - Ханомъ сельскихъ старшинъ (*мир - и - казоровъ*, т. е. тысячниковъ, въ дословномъ переводѣ); хотя, впрочемъ, при самомъ Юсуфъ-Али-Ханѣ состояли и два сановника: одинъ въ чинѣ „дадха“ былъ помощникомъ по административной части, а другой—„диванъ-беги“,—распоряжался финансовыми дѣлами правителя. Тяжелыя дѣла вершили два казіи по назначенію Юсуфъ-Али-Хана, одинъ состоялъ для Шугнана, а другой для Рошана; казіи судили по шаріату, но не имѣли права приговоровъ къ отсѣченію членовъ тѣла и смерти. Смертная казнь за особенно тяжкія преступленія назначалось самимъ правителемъ и состояла въ томъ, что виновныхъ по ночамъ топили въ Пянджѣ. Для поддержанія порядка въ странѣ Юсуфъ-Али-Ханъ содержалъ, на полномъ своемъ иждивеніи, около сотни солдатъ (сарбазовъ), вооруженныхъ примитивными, туземнаго производства, ружьями, шашками и пиками. Солдаты располагались небольшими партіями въ главнѣйшихъ селеніяхъ страны Пушекъ не было. На обязанности солдатъ лежалъ главный образомъ надзоръ за вѣбжающими въ страну иноземцами. Въ случаѣ нападенія непріятеля населеніе вооружалось само имѣвшимися для охоты ружьями и могло выставить для защиты болѣе тысячи человекъ.

Подать собиралась по одному барану въ годъ съ каждаго дома и, кромѣ того, по усмотрѣнію Юсуфъ-Али-Хана ежегодно опредѣлялось, сколько каждое селеніе должно было внести ему разныхъ продуктовъ земледѣлія и производства (хлѣба, хлопка, тканей, посуды и проч.). Все это правителемъ сбывалось на рынки Бадахшана. Податными сборами Рошана безотчетно завѣдывалъ его миръ, исключая подати съ золотопромышленниковъ, которая всегда шла Юсуфъ-Али-Хану. Тяжестью податей послѣдній такъ обременялъ народъ, что породилъ въ немъ къ себѣ непримиримую ненависть.

Развязка была ускорена пріѣздомъ въ Шугнанъ лѣтомъ 1882 г. Чустскаго, Ферганской области, уѣзднаго врача, надворнаго совѣтника Регеля, который предпринялъ сюда поѣздку съ научною цѣлью по порученію Географическаго Общества и Императорскаго Ботаническаго сада. Регель былъ хорошо принятъ Юсуфъ-Али-Ханомъ и пользовался его гостеприимствомъ. Афганскій эмиръ Абдур-Рахманъ-Ханъ, узнавъ о пребываніи нашего путешественника въ Баръ-Пянджѣ, столицѣ Шугнана, и подозрѣвая переговоры правителя послѣдняго съ русскимъ чиновникомъ о признаніи Шугнаномъ вассальныхъ правъ къ Россіи, командировалъ своего начальника кавалеріи Гульзаръ-Хана къ Юсуфъ-Али-Хану. На этого посланника была возложена миссія уговорить правителя Шугнана немедленно выпроводить пріѣзжаго русскаго изъ предѣловъ страны. Въ Баръ-Пянджѣ у афганца произошла крупная ссора съ Регелемъ и, хотя Юсуфъ-Али-Ханъ помирилъ ихъ, но тѣмъ не менѣе Регель вынужденъ

немъ начальникомъ отряда (فوجدار). Я въ то время былъ двухлѣтнимъ ребенкомъ. Время правленія Гульзоръ-Хана было семь лѣтъ.

Послѣ того произошла война между сердаремъ Мухаммадъ-Исхакъ-Ханомъ и эмиромъ Абдур-Рахманъ-Ханомъ и всѣ афганцы ушли изъ Шугнана и Шугнанъ освободился отъ нихъ. Тогда прибылъ въ Шугнанъ изъ Гисара Мухаммадъ-Акбаръ Ханъ, (محمد اکبر خان), одинъ изъ потомковъ владѣтелей Шугнана, и

былъ покинутъ Шугнанъ, а Юсуфъ-Али-Ханъ вызвалъ личное къ себѣ неудовольствіе Гульзаръ-Хана. Последнимъ обстоятельствомъ воспользовалась недовольная правителемъ партія шугнанцевъ, во главѣ которой стояли: вышеназванный пиръ Сейидъ-Фаррухъ-Ша, вліятельный старшина Рошана Мавзаръ-Ша, старшина Сучава Миръ-Эвезъ-бекъ и почетный житель Баръ-Пянджа, Ходжа-Диль-Махзумъ. Резъ Гульзаръ-Хана эти лица отправили афганскому эмиру отъ имени всего шугнанскаго населенія просьбу о смѣненіи Юсуфъ-Али-Хана. Эмиръ Абдур-Рахманъ, давно имѣя виды на Шугнанъ, по полученіи этого письма, по одной версіи — приказалъ правителю Бадахшана пригласить къ себѣ Юсуфъ-Али-Хана пріѣхать въ Файзабадъ по поводу, будто бы, указанныхъ имъ врачу Регеля Бадахшанскихъ копей. Юсуфъ-Али-Ханъ не хотѣлъ было ѣхать, подозревая западню, но вліятельные жители Баръ-Пянджа, во главѣ съ вышеназванными заговорщиками, уговорили правителя Шугнана отправиться въ Файзабадъ и не ссориться съ афганцами. Юсуфъ-Али-Ханъ отправилъ, на всякій случай, свое семейство въ Ферганскую область, а самъ поѣхалъ въ Файзабадъ, но у шугнанскаго Ташъ-Кургана члены семьи Юсуфъ-Али-Хана были возвращены бадахшанскимъ посланнымъ въ Файзабадъ. Въ Файзабадъ до того почтительное отношеніе къ Юсуфъ-Али-Хану и его семьѣ, въ числѣ которой находился и его сынъ Кубадъ-Ханъ, миръ Рошана, круто измѣнилось: афганцы заковали всѣхъ ихъ въ оковы и плѣнниками отправили въ Кабулъ. По другой версіи, — мѣсяца черезъ три послѣ выѣзда изъ Шугнана Регеля и Гульзаръ-Хана послѣдній вновь пріѣхалъ въ Баръ-Пянджъ въ сопровожденіи „кэрнайля“ Ширъ-Диль-Хана и, увѣривъ Юсуфъ-Али-Хана, что Афганскій эмиръ проситъ его пріѣхать въ Бадахшанъ для награжденія подарками, какъ искренняго своего доброжелателя и вѣрнаго своего союзника, захватилъ съ собою Юсуфъ-Али-Хана со всей семьей и святой до ста человекъ. До Файзабада шугнанцамъ былъ оказываемъ всевозможный почетъ и вниманіе, а въ Файзабадѣ правитель Бадахшана, Абдулла-Джанъ (дѣйствовавшій, несомнѣнно, по приказанію Абдур-Рахманъ-Хана), тотчасъ по прибытіи въ Файзабадъ Юсуфъ-Али-Хана отправилъ его въ цѣпяхъ въ Кабулъ вмѣстѣ съ 20 шугнанцами изъ числа прибывшихъ съ нихъ правителемъ. Это было въ 1883 году. Гульзаръ-Ханъ, взявъ изъ Бадахшана отрядъ въ двѣ сотни солдатъ, прибылъ въ Баръ-Пянджъ и объявилъ, что Юсуфъ-Али-Ханъ чрезъ нѣкоторое время вернется, а пока-что — онъ, Гульзаръ-Ханъ, останется за правителя (См. вышеупомянутое дѣло Диплом. Части при Турк. Ген. Губ-ръ № 55/1883 г. „О занятіи Шугнана афганцами“, листы 43—55, составл. капит. Бранъ-вымъ „Очеркъ Шугнанскаго шахства“ и листы 81—83: „Рапортъ военнаго губ-ра Ферг. обл. Турк. Генералъ-Губ-ру отъ 7 февр. 1884 г. за № 1365“ и дѣло Диплом. Канцел. Турк. Ген. Губ. № 24/1882 г. „О повѣдкѣ на вѣ. сов. Регеля чрезъ Бухарскія владѣнія въ Рошанъ, Шугнанъ и Бадахшанъ“). Въ „Жизнеописаніи Абдурахмана

сдѣлался миромъ. Спустя годъ, опять пришли афганцы. Мухаммаль Акбаръ Ханъ обманомъ склонилъ народъ въ свою пользу, говоря, что онъ—исмаилитъ, народъ сталъ защищать его и оказалъ афганцамъ сопротивление. Много людей было убито, а тѣ, что остались живы, разбѣжались: одни—въ Дарвазъ, другіе—въ Кокандъ. А кто не имѣлъ силы бѣжать, тотъ предоставилъ свое тѣло судьбѣ.

Замѣстителемъ афганца Гульзоръ Хана въ Шугнанѣ сталъ Убайдулла Ханъ (عبدالله خان). Понемногу онъ обманомъ собралъ разбѣжавшихся въ Шугнанъ и когда тѣ водворились на родинѣ, афганецъ началъ творить жестокости до такой степени невѣроятныя, что если бы я сталъ ихъ подробно описывать, то невозможно тому было бы повѣрить. Однѣ изъ нихъ, напримѣръ, были таковы: для уплаты податей привязывали женщинъ къ деревьямъ и били ихъ палками, а мужчинъ брали на цѣлый годъ въ (даровые) слуги; или (хотя я въ то время не былъ въ Шугнанѣ, но слышалъ): за самую большую корову афганцы платили по полторы рупій, что соотвѣтствуетъ шестидесяти копѣйкамъ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока не взошло Солнце Справедливости, распростра-

эмира Афганскаго“, изданномъ Султанъ-Мухаммедъ-Ханомъ покойный эмиръ объясняетъ по своему причины посылки въ Шугнанъ афганскаго отряда и плѣненіе Юсуфъ-Али-Хана. Послѣдній провозгласилъ себя вполне независимымъ правителемъ Шугнана и съ цѣлью упрочить свое положеніе, завязалъ сначала сношеніе съ Кокандскимъ ханомъ (къ слову сказать, Кокандское ханство въ то время уже перестало существовать), а затѣмъ съ русе имъ правительствомъ. Юсуфъ-Али-ханъ приглашалъ въ Шугнанъ врача Регеля и сталъ ему жаловаться на афганцевъ. Афганскій эмиръ, опасаясь занятія русскими Рошана и Шугнана, приказалъ двумъ своимъ генераламъ двинуться противъ Юсуфа-Али-Хана; послѣ непродолжительной битвы послѣдній былъ взятъ въ плѣнъ со всей семьею и отправленъ въ Кабуль. Правителемъ Шугнана и Рошана Абдур-Рахманъ-Ханъ назначилъ Гульзаръ-Хана, который успѣлъ прибыть туда раньше русскихъ. Притязанія же послѣднихъ на названныя Памирскія владѣнія, по словамъ Абдур-Рахмана, продолжались до 1893 г. и разрѣшились съ прїездомъ въ Кабуль полковника Дюранда. Въ заключеніе Абдур-Рахманъ замѣчаетъ, что занятіе имъ Шугнана и Рошана имѣло благотворное вліяніе въ томъ отисненіи, что въ этихъ областяхъ была прекращена позорная торговля рабами и положенъ предѣлъ тиранніи прежнихъ правителей (См. „Автобіогр. Абдурахманъ-Хана, Эмира Афганистана, перев. съ англ. М. Грулева Спб. 1901 г.“ т. I, стр. 316—318 и персидскій переводъ того же труда, сдѣланный Гулямъ-Муртаза-Ханомъ; Мешедъ. 1903 г., т. I).

няющее Правосудіе, Государь Времени, Его Величество Великій Императоръ—Вѣлый Царь, бросившій тѣнь Свою на половину Шугнана, и народъ, живущій какъ по эту сторону Аму-Дарьи, такъ и по ту сторону, нынѣ милостію Царской сталъ спокоенъ, потому что на этой сторонѣ рѣки всѣ наслаждаются полнымъ покоемъ, а на той сторонѣ рѣки, страшась Его Величества Великаго Императора, афганцы не чинять насилій. И населеніе денно и ночью возсылаетъ молитвы къ Богу—Питателю о продленіи здравія Его Величеству, Государю Времени. Я (писавшій это)—одинъ изъ такихъ рабовъ, возсылающихъ эти молитвы“.

Въ заключеніе необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ достигъ Шугнанъ современнаго политическаго положенія.

Избавившись отъ Юсуфъ-Али-Хана, шугнанцы очутились въ затруднительномъ положеніи, такъ какъ хозяйничаніе афганцевъ оказалось ничуть не лучше тиранніи ихъ бывшаго правителя, поэтому шугнанцы скоро возмутились, схватили Гульзаръ-Хана и его людей и объявили ихъ плѣнными. Затѣмъ, узнавъ, что бадахшанскій правитель Абдулла-Джанъ посылаетъ полторатысячный отрядъ на выручку Гульзаръ-Хана и его людей, жители Кала'а-и-Баръ-Пянджа и окрестныхъ селеній бросили свои жилища и, захвативъ съ собой афганцевъ, переселились въ трудно доступный Рошанъ. Такъ какъ была глубокая осень и перевалы были уже засыпаны снѣгомъ, остававшіеся возможными для движенія пути изъ Бадахшана въ Шугнанъ шугнанцы закрыли и укрѣпили, но Абдулла-Джанъ не рискнулъ пуститься въ походъ противъ мятежниковъ, предпочтя вступить съ ними въ переговоры.

Послѣдствіемъ этихъ переговоровъ было то, что шугнанцы отпустили схваченныхъ ими афганцевъ, удержавъ у себя 20 человѣкъ заложниками, по числу людей, отправленныхъ афганцами въ Кабуль вмѣстѣ съ правителемъ Шугнана Юсуфъ-Али-Ханомъ.

Опасаясь, однако, что съ наступленіемъ весны Шугнанъ сдѣлается доступнымъ для афганцевъ, сопротивленіе которымъ для бѣдныхъ и малочисленныхъ жителей этой страны было не подѣ силу, шугнанцы и рошанцы обратили взоры на Россію и Бухару. Почти одновременно были сдѣланы попытки войти подѣ покровительство этихъ странъ: въ ноябрѣ 1883 года къ начальнику бухарскихъ войскъ въ Дарвазѣ и къ его брату, правителю Дарваза Мухаммедъ-Шерифъ Беку-токсабѣ, явился вліятельный старшина Рошана, Худояръ-минбаши, лично извѣстный эмиру Музаффару, съ письмами къ этимъ лицамъ отъ вліятельныхъ шугнанцевъ: Сейидъ Ханъ-Ша-Саламата и Миръ-Музаффаръ-Ша; въ этихъ письмахъ заключались, какъ просьба доложить эмиру Бухарскому желаніе населенія Шугнана и Рошана быть подѣ властью эмира, такъ и полномочія Худояру-минбаши веденія по сему дѣлу необходимыхъ переговоровъ. Въ январѣ же 1884 года къ военному губернатору Ферганской области явились шугнанскій и рошанскій старшины: Мухаммедъ Насыръ и Мухаммедъ Назаръ-Бекъ, привезшіе прошеніе на имя Туркестанскаго Генераль-Губернатора отъ имени вышеупомянутаго, самаго вліятельнаго исмаилитскаго пира, Сейидъ-Фаррухъ-Ша, Манзаръ-Ша и друг.; это прошеніе заключало просьбу объ избавленіи Шугнана и Рошана отъ тиранніи афганцевъ и о принятіи этихъ странъ подѣ власть „Бѣлаго Царя“. И въ первой, и во второй изъ этихъ просьбъ описывалось внутреннее состояніе страны и причины, побуждавшія жителей ея искать подданства эмира Бухарскаго и Государя Императора, при этомъ лица, уполномоченныя къ подачѣ этихъ просьбъ, сообщали пояснительныя подробности къ изложенному на бумагѣ¹. Однако ни одна изъ этихъ просьбъ не

¹) См.: 1) донесеніе начальника бухарскихъ войскъ (صبر کرده) въ Дарвазѣ (безъ даты) на имя эмира Бухарскаго на таджикскомъ нарѣчій, начинающееся словами: جهان مدار تصدق شویم بدست خط مبارک صاحب ما دهریانی حضرت سید ما شده بوده است که از طرف شغنان بجه طریقہ خبری شده بکجا قرار یافته باشد عرض کنید جنابا لعل حضرت سید ما کرامات کرده اند.

получила удовлетворенія вслѣдствіе нашихъ тогдашнихъ отношеній съ Англіей: телеграммою отъ 14 декабря за № 1347 Туркестанскому Генераль-Губернатору, генераль-лейтенанту Черняеву, было объявлено Высочайшее повелѣніе „воздерживаться отъ всякаго шага, который бы могъ повести насъ къ вооруженному вмѣшательству“ въ попытку афганцевъ занять Шугнанъ, заботы о которомъ „составляютъ вопросъ дипломатическій“. Эта же точка зрѣнія тогдашнихъ нашихъ министерствъ была подтверждена и въ 1884 г., въ депешѣ отъ 10 марта за № 256 начальника Главнаго Штаба, генерала Обручева, на имя Туркестанскаго Генераль-Губернатора). Такимъ образомъ нарушение пограничной линіи Англо-Русскаго соглашения 1872—1873 г. ¹⁾ со стороны афганцевъ произошло съ молчаливой санкціи нашего правительства.

Послѣдовавшая затѣмъ неопредѣленность нашего положенія на Памирахъ и тогдашняя политика Англіи въ отношеніи насъ продолжались до 1895 года, въ февралѣ мѣсяцъ котораго (27 февраля—11 марта) состоялось второе Англо-Русское соглашение о Памирахъ; въ силу его постановлено, чтобы границей Афганистана къ

сидски Сейидъ-Ханъ-Ша-Саламата и Миръ-Музаффаръ-Ша на имя названнаго начальника войскъ и на имя правителя Дарваза—Миръ-Мухаммедъ-Шерифъ-токсабы; 3) донесеніе Бальджуанскаго казія отъ 16 Сафара 1301 г. эмиру Бухарскому на узбекскомъ варѣчьи, начинающееся словами: بلجوان قاضی میر محمد عرشہ سی عبد اللہ جان دوستان چاب دیکن جای غہ بارماقی; 4) прошеніе Сейидъ-Фаррухъ-Ша и др. на имя Туркестанскаго Генераль-Губернатора (по-персидски) отъ 25 Раби-ул-Эввеля 1301 г. Хиджры, начинающееся: عرض احوال نیاز مندی و بیجاہگی; 5) упомянутый рапортъ военнаго губернатора Ферганской области отъ 7 февраля 1884 г. № 1365. Все — въ вышеназванномъ дѣлѣ № 55—1883 г. Канц. Турк. Ген. Губ-ра.

¹⁾ Этимъ соглашеніемъ граница афганской провинціи Бадахшана, съ относящимся къ ней Ваханскимъ округомъ, была установлена отъ озера Зоръ-Куль (Викторія) по р. Пянджу до сіянія Кокчи съ Аму-Дарьей. Вся земли, расположенныя къ сѣверу отъ этой черты, т. е. часть Вахана и Шугнана и весь Рошанъ были оставлены или за Кокандскимъ ханствомъ, или за Бухарою. Въ 1876 г. Кокандское ханство со всѣми подвластными ему землями, въ томъ числѣ и Памиромъ, въ границахъ осѣдлыхъ селеній Вахана, Шугнана и Рошана до осѣдлыхъ селеній Кашгара, было присоединено къ владѣніямъ Россіи. Такимъ образомъ, въ силу названнаго соглашения и съ Англіей, de-jure восточная часть Шугнана, весь Рошанъ и всѣ Памиры должны были находиться подъ властью и, слѣдовательно, непосредственнымъ вліяніемъ Россіи.

западу отъ озера Зоръ-Куль была р. Пянджъ и что бы сообразно этому Афганскій эмиръ очистилъ всѣ земли на правомъ берегу р. Пянджа, т. е. восточныя части Шугнана, Рошана и сѣверную часть Вахана, а Бухарскій эмиръ—земли, лежащія къ югу отъ Пянджа, т. е. южный или Запянджскій Дарвазъ. А такъ какъ при подобномъ направленіи границы Бухарскій эмиръ лишался принадлежавшей ему значительной части Дарвазскаго бекства, а части Шугнана и Рошана, лежащія на правомъ берегу Пянджа, отошли къ намъ, то возникъ вопросъ о компенсаціи эмира за утраченныя имъ владѣнія. 26 іюня 1896 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, въ силу котораго (пун. 2) приказано было: „поступившія въ наше владѣніе, — по соглашенію съ Англіей, — восточныя части Рошана, Шугнана и сѣверную часть Вахана передать во владѣніе эмиру Бухарскому“, при чемъ далѣе (пун. 3) указывалось, что „предѣлы передаваемыхъ эмиру Бухарскому земель ограничить къ востоку, къ сторонѣ Ферганской области, линіей, идущей отъ границы Бухары у Язгулемскаго хребта къ рѣкѣ Бартангу, западнѣе селенія Орошоръ, и далѣе на югъ, по отрогамъ горъ, къ переваламъ Вахынчъ, Дузахъ-Дара, Кокъ-Бай и Маасъ, и затѣмъ—къ устью рѣки Памира. Подробности этой границы устапавливаются по соглашенію Туркестанскаго Генераль Губернатора съ эмиромъ Бухарскимъ“. На десятиверстныхъ, напримѣръ, картахъ Памировъ, изданныхъ мѣстнымъ Штабомъ Округа, эта граница совершенно точно обозначена.

Такимъ образомъ Памиры, входящіе въ сферу русскаго вліянія, раздѣляются названною чертою на двѣ части: *Западный Памиръ, юридически принадлежащій Бухарѣ, и Восточный Памиръ, принадлежащій намъ и состоящій изъ двухъ волостей: Памирской (населенной киргизами) и Орошорской (населенной таджиками).*

Когда Западные Памиры отошли къ Бухарѣ, то бывшій Туркестанскій Генераль-Губернаторъ, баронъ

Вревскій, предполагалъ было снять оттуда всѣ наши посты и разѣзды, но военное министерство признало это преждевременнымъ, ибо, по его мнѣнію, наши посты могутъ быть тамъ полезны для наблюденія за бухарскими властями въ смыслѣ выполненія принятыхъ ими обязательствъ, въ родѣ освобожденія на три года отъ всякихъ денежныхъ повинностей передаваемого бухарцамъ обнищавшаго населенія, которое еще неизвѣстно, какъ отнесется къ бухарскому владычеству, а также—вообще для собиранія свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ Бадахшанѣ (хотя бухарскимъ бекамъ и было вмѣнено въ обязанность сообщать начальнику Памирскаго поста свѣдѣнія о положеніи дѣлъ на границахъ ихъ районовъ съ афганскими владѣніями). Вслѣдствіе сего посты нами были на Бухарскихъ Памирахъ оставлены.

Вскорѣ однако стали обнаруживаться нелады въ административномъ управленіи Западными Памирами: рядъ столкновеній нашихъ офицеровъ съ бухарскими властями, ненависть населенія къ бухарцамъ, обусловливавшаяся отчасти наклонностью послѣднихъ взимать поборы, а главное—непримиримую религиозною рознью (мѣстное населеніе —исмаилиты, а бухарцы—сунниты), — все это породило на цѣлые годы рядъ нескончаемыхъ обоюдныхъ жалобъ и споровъ. Эмиръ Бухарскій даже нѣсколько разъ обращался къ русскому правительству съ просьбою присоединить окончательно его Памирскія владѣнія къ Россіи, но всякій разъ подъ вліяніемъ общей неблагоприятной для насъ политической конъюнктуры это предложеніе отклонялось и въ результатъ было рѣшено сохранить на Западныхъ Памирахъ русское управленіе, сохранивъ ихъ номинально (а значитъ и юридически) все же за бухарцами¹⁾. Въ силу сего административная власть надъ всѣми Памирами, Западными

¹⁾ См. отношеніе Командующаго войсками Туркестанскаго Военнаго Округа на имя Начальника Главнаго Штаба 27 сентября 1903 года № 364

и Восточными, присвоивалась начальнику Памирскаго отряда, проживающему въ Хорогѣ, на Бухарской территоріи, и до того времени лишь управлявшему нашими Восточными Памирами въ силу особой, утвержденной Командующимъ Войсками Туркестанскаго военнаго округа, инструкціи (отъ 27 сентября 1902 г.); по этой инструкціи онъ пользовался правами уѣзднаго начальника въ Памирской и Орошорской волостяхъ и непосредственно подчинялся военному губернатору Ферганской области, имѣлъ право смѣнять и утверждать въ должности лицъ туземной администраціи; постановленія народныхъ судей, судившихъ по мѣстнымъ обычаямъ, а равно взысканія за проступки и преступленія, налагались лишь по утвержденіи ихъ начальникомъ отряда, которому предоставлялось „право отмѣнять и видоизмѣнять взысканія, соображаясь съ обычаями населенія, справедливостью и интересами русской власти“.

При новомъ положеніи вещей, т. е. при подчиненіи управленія Бухарскими Памирами начальнику отряда, населеніе этихъ Памировъ освобождалось, по бѣдности, отъ всякихъ денежныхъ сборовъ въ пользу бухарской (и русской) казны, должность Шугнанскаго бека упразднялась и при начальникѣ отряда полагался бухарскій чиновникъ, представитель Гисарскаго бека, чрезъ котораго начальникъ отряда отдавалъ свои распоряженія, касающіяся мѣстной туземной администраціи. На этихъ основаніяхъ была выработана и утверждена 12 января 1905 г. бывшимъ Туркестанскимъ Генераль-Губернаторомъ и Командующимъ войсками Туркестанскаго военнаго округа, генераломъ Гевяшевымъ, донынѣ дѣйствующая „Временная Инструкція Начальнику Памирскаго отряда“. По этой инструкціи начальникъ отряда „по отношенію туземнаго населенія пользуется правами уѣзднаго начальника и въ этомъ отношеніи подчиненъ военному губернатору Ферганской области“ (пун. 2 перваго параграфа); „управляя туземнымъ населеніемъ Памировъ, начальникъ отряда имѣетъ право въ предѣлахъ Восточнаго Памира смѣнять и утверждать

въ должности лицъ туземной администраціи непосредственно, а въ предѣлахъ Шугнанскаго бекства давать въ этомъ смыслѣ указанія бухарскому чиновнику“ (пар. IV); вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ отряда долженъ имѣть въ виду, что „существующій, основанный на обычаяхъ, порядокъ управленія населеніемъ долженъ быть сохраненъ безъ измѣненія“, что „судъ устраивается и производится примѣнительно къ мѣстнымъ обычаямъ, а взысканія за проступки и преступленія, постановленные народными судьями, налагаются лишь по утвержденіи ихъ начальникомъ отряда, которому предоставляется право отмѣнять и видоизмѣнять взысканія, соображаясь съ обычаями населенія, справедливостью и интересами русской власти“ (тамъ же).

Почти черезъ годъ послѣ изданія этой инструкціи (22 января 1906 г.) послѣдовало Высочайшее соизволеніе на приведеніе въ дѣйствіе Положенія Военнаго Совѣта объ утвержденіи временнаго штата управленія Памирскаго отряда. Въ силу сего закона (пун. 3) начальникъ отряда „по завѣдыванію населеніемъ на Памирахъ и по руководству управленіемъ въ Бухарскомъ бекствѣ (Шугнанъ, Ваханъ и Рошанъ) долженъ руководствоваться особыми на это инструкціями Туркестанскаго Генераль-Губернатора и Командующаго войсками“. Такимъ образомъ закрѣпилось инструкціонное управленіе нашими и Бухарскими Памирами¹⁾.

Въ 1915 году министерствомъ юстиціи, по соглашенію съ военнымъ министерствомъ, было признано необходимымъ подчинить дѣла, выходящіе изъ предѣловъ подсудности народнымъ судамъ Памирской и Орошорской волостей, судебнымъ установленіямъ Ферганской области²⁾.

¹⁾ См. отношеніе мое по должности Дипломатическаго Чиновника 1911 Туркестанск. Генер. Губ-рѣ въ Канцелярію Генер. Губ-ра отъ 20 мая 1914 г. № 375.

²⁾ Отз. Н-ка Главнаго Штаба на имя Турк. Генер. Губ. отъ 12 марта 1915 г. № 29.